

СЫГРАЕТ ЛИ ОН ЧАЦКОГО?

— С ВАМИ говорит народный артист... (далее последовал дополнительный перечень высоких титулов). Это вы были на совещании в Театральном училище имени Щукина? И вы собираетесь писать о Бирагове? Имейте в виду... Исключить его — это антигосударственное (!) решение. Неверная линия. Прошу учесть мое мнение...

Так началась наша беседа. Защитник, кажется, понимал, что гладить Бирагова по головке не за что. Но, очевидно, хотелось его выручить. Поэтому-то в начале разговора, как залп, прогнемали почетные звания, а потом уже последовали туманные полупросьбы, полунамеки. Правда, к концу разговора наш собеседник все же признал свое мнение ошибочным и даже просил не упоминать его имени на страницах газеты.

А до разговора, до собрания произошло следующее. В редакцию пришло письмо. Девушка (назовем ее Ритой) полюбила студента Театрального училища имени Щукина Константина Бирагова. Узнав, что у них будет ребенок, пылкий обожатель утратил значительную долю своих симпатий и предложил девушке сделать аборт. Когда она отказалась, Бирагов ударил ее по лицу. Рита выпала яд. Затем — скорая помощь, больница. Риту спасли. Возлюбленный, впрочем, об этом и не знал. Он не стоял в приемной, не спрашивал сестер, как здоровье его подруги. Он поехал за город на товарищескую пирушку. Комитет комсомола объявил Бирагову строгий выговор. Обо всем этом рассказывалось в письме в редакцию.

Как следовало поступить в таком случае? Взывать к порядочности К. Бирагова? Требовать, чтобы он женился на Рите? Оправдывать ее полностью, представив жертвой? Но ведь как бы трагически ни закончилась первая любовь Риты, во многом она виновата сама. И все-таки было по-человечески жаль Риту, хотелось помочь ей. Поэтому мы и отправились в училище.

И случилось так, что нам довелось присутствовать на совещании представителей общественности, где снова разбиралось

«дело Бирагова». На том самом совещании, после которого обратился в редакцию народный артист...

С ОВЕЩАНИЕ идет третий день. Представители администрации возмущены:

— Эти обсуждения только мешают занятиям. Чего, собственно, обсуждать: ведь комсомольская организация уже занималась Бираговым. А всё — сестры Риты, их письма... Если бы они не жаловались, не было бы ни заседания комитета комсомола, ни этого совещания...

Позвольте, кто же виноват, что среди студентов Театрального училища имени Щукина оказался человек с весьма приблизительными представлениями о морали и порядочности? Или, может быть, сестры Риты, ее подруги неправы, когда пишут о недостойном поведении будущего актера?

Так в чем же дело? А дело, оказывается, в том, что вся эта неприглядная история бросает, видите ли, тень на репутацию училища. Как было бы спокойно, если бы дело закончилось снисходительным разбирательством в комсомольском комитете! А тут все новые и новые письма. Хочешь не хочешь, а надо реагировать...

Но ведь реагировать можно по-разному. И участники совещания, которое проходило в училище, решили во что бы то ни стало спасти честь мундира. Вот буквальная запись некоторых выступлений:

— Мне стыдно за вас, Рита, — начал свою обвинительную речь преподаватель А. Паламишев.

Итак, нелицеприятный разговор пошел сразу же не о студенте Бирагове, не о совершенных им аморальных поступках, а о пострадавшей девушке. Оратор явно любовался своим красноречием, перелизчатоворкующими интонациями:

— Женщина несет большую ответственность, чем мужчина. Она будущая мать.

Чтобы совершенно уничтожить Риту и выгородить студента, оратор взялся на свой лад толковать кодекс законов о браке и семье:

— Не напрасно мужчина, не состоящий в юридическом браке, не несет ответствен-

ности за воспитание ребенка. Это дело матери...

В разговор вступает начальник отдела Министерства культуры Северо-Осетинской АССР Л. Цебова (К. Бирагов был направлен на учебу из Северной Осетии).

— Где же и когда все произошло, Риточка! — приторно ласково бросает она первую реплику.

Под сомнение берется каждое слово Риты. Вызывают вереницу свидетелей. Тут же, из комнаты совещания, с поразительной бестактностью обзывают врачей. Не «шантажирует» ли Рита училище и бедного Бирагова? Главный виновник неожиданно превращается чуть ли не в мученика. (Забегая вперед, скажем: хоть это и не имеет значения для выяснения морального облика Бирагова, но Рита никого не «шантажировала»).

— Подумайте над тем, могла ли порядочная девушка поступить так, как вы, — категорически заявляет Л. Цебова...

Давно затихли звонки, возмущавшие первые и последние минуты лекции и перерывов. Давно убежала, не выдержав постыдного судилища, Рита. И только тогда разговор зашел, наконец, о студенте училища Константине Бирагове.

— Я прошу не вмешиваться в мою личную жизнь. Дайте мне возможность проверить свои чувства, — начал свою речь Бирагов тоном человека, абсолютно уверенного в собственной правоте. — Я не хочу замазать чистый паспорт, женившись просто так (?). Я честно предупреждал Риту, что не женюсь на ней!

Очевидно, такое заблаговременное предупреждение, по мнению Бирагова, снимает с него всякую вину.

— Зачем она сказала, что у нее будет ребенок? Я ей говорил, пощади седины моей матери, молчи. Ну и дал ей пощечину, — непринужденно повествует он. — Вот Лена поступила совсем иначе...

Все встревоженно переглянулись. Какая Лена? Значит, это не первая история у молодого человека с «чистым паспортом»? Сор, кажется, вот-вот мог быть вынесен из избы. Ведь все говорили, что их студент непорочен, как новорожденный младенец, и что Рита — его первая неудачная любовь. Нужно было срочно прервать монолог погрузившегося в воспоминания Бирагова. И воспитатели вместе с Цебевой протянули руку помощи:

— Ты ведь не обещал на ней жениться.

— Нужно говорить: она была влюблена и преследовала тебя. Не волнуйся, — подбодрила земляка Л. Цебова.

— Я буду актером! Я сыграю свои любимые роли! — поспешно перевоплотился Бирагов. — Я сыграю Чацкого! Но если кто-нибудь помешает мне, если из-за нее меня исключат из училища, тогда...

Сделав многозначительную паузу, будущий Чацкий твердым шагом вышел из комнаты.

— Он слишком взволнован! — прокомментировал кто-то из собравшихся его реплику под занавес.

— Вот видите, не отрицает же он, что Рита была фактически его женой. Я убедилась еще раз — он человек честный, — резюмировала Л. Цебова.

К какому же выводу пришло совещание? А все, собственно, осталось по-прежнему. Решили так: выговор объявлен, этого достаточно. А вот если повторится такая история, тогда исключим. Было 12 часов ночи. Честь мундира была спасена.

Этой же ночью скорая помощь доставила Риту в институт Склифосовского. Она вскрыла себе вены.

Второй раз спасли ее врачи. ПРОШЛО НЕМАЛО времени, прежде чем К. Бирагов формально отчислился из училища. Но он ходил на занятия. Сдавал экзамены. Весной его собирались принять вновь.

И только после вмешательства вышестоящих организаций студента К. Бирагова исключили из училища.

Казалось бы, здесь можно поставить точку. Но правоммерно возникает вопрос: почему ректорат училища, его общественные организации так беспринципно и терпимо отнеслись к грубейшему нарушению моральных принципов нашей жизни? Или они склонны думать, что такой распущенный и нечистоплотный в быту человек сможет по праву носить высокое звание советского артиста? Очевидно, далеко не все благополучно с воспитанием молодых актеров в столичном Театральном училище имени Щукина...

А на вопрос, сможет ли Константин Бирагов сыграть Чацкого, очень хорошо и правильно, на наш взгляд, ответил в одной из своих недавних статей земляк Бирагова народный артист СССР В. Тхапсаев:

«Настоящий художник — это прежде всего личность. Его человеческими, гражданскими качествами определяется в конце концов искренность, полнота его творчества. Он должен в первую очередь в своей собственной жизни следовать тем высоким идеалам, которые проповедует своим творчеством».

ЖУРНАЛИСТ.